

УДК 316.7
ББК 60.54

Экономическая трансформация практики «ѓахнаса́т кала»: случай в общине Московской хоральной синагоги

Александра Леонидовна Полян

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
Universität Regensburg, Regensburg, Германия

Кандидат филологических наук, доцент
ORCID: 0000-0002-0150-6877
Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
Тел.: +7(495)629-43-49, Fax: +7(495)629-74-91
E-mail: office@iaas.msu.ru
Universität Regensburg, Institut für Slavistik
Sedanstraße 1
D-93053 Regensburg
Тел.: +49(941)943-16-65
E-mail: alexandra.polyan@gmail.com

Екатерина Николаевна Карасева

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Магистр экономики, аспирант факультета экономики ЕУ СПб
ORCID: 0000-0002-3286-0959
Автономная некоммерческая образовательная организация высшего
образования «Европейский Университет в Санкт-Петербурге»
191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А
Тел.: +7(812)386-76-37
E-mail: katykaraseva@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2020.12

Аннотация: Статья посвящена трансформации, которую претерпел обычай «ѓахнаса́т кала» в современной российской еврейской общине. Заповедь «ѓахнаса́т кала» была впервые упомянута в талмудической литературе как предписание увеселять жениха и невесту, однако позже, в XVII–XVIII вв., в Ашкеназе получила новое содержание: община должна была собирать на приданое бедным невестам, с тем чтобы они могли выйти замуж, – тем

самым нищие девушки удерживались от социальной маргинализации или крещения. В современной российской еврейской общине (и, как выяснилось впоследствии, среди русскоязычных ультрарелигиозных евреев Израиля) это название стало употребляться по отношению к совершенно новой практике – сбору денег на организацию свадебной церемонии для жениха и невесты, уже выбравших друг друга, а нередко живших в гражданском браке и пришедших к иудаизму. В отличие от традиционной ситуации, когда стоимость свадебных расходов покрывается взносами гостей, в данном случае спонсорами свадьбы становятся пользователи интернета, сочувствующие данной паре, а бенефициарами – члены общины с высоким статусом. Таким образом, организация дорогой свадебной церемонии становится для будущих супругов своего рода подтверждением их статуса в общине. Подробно анализируется один такой случай, произошедший в общине Московской хоральной синагоги в 2019 г. Делаются выводы о структуре общины, о ее экономике и роли краудфандинга в современной российской еврейской ортодоксии.

Ключевые слова: *московская еврейская община, экономика еврейской жизни, краудфандинг, свадьба, «гахнаст кала»*

Введение

Эта статья – часть серии публикаций об общине современной Московской хоральной синагоги (далее – МХС)¹. Община этой синагоги уже становилась предметом антропологического изучения: ей посвящена книга американской исследовательницы Сашы Голубофф [Goluboff 2003], которая проводила наблюдения в МХС в середине 1990-х гг. За прошедшие 25 лет эта община и повестка синагогальной жизни существенно изменились. Конфликт между ашкеназской и двумя другими синагогальными общинами (грузинской и горской), о котором пишет Голубофф, завершился упрочением влияния ашкеназских раввинов. Горская община имеет отдельный молельный зал, грузинская иногда собирает отдельный миньян в большом молельном зале, но в целом обе эти общины встроились в структуру, возглавляемую ашкеназскими раввинами.

¹ Некоторые предварительные наблюдения суммированы нами здесь: Polyan 2017.

Зал МХС наполняется целиком всего несколько раз в год – главным образом, на осенние праздники и на Песах. В менее важные праздники, в обычные субботы и тем более в будни молящихся там куда меньше. Это не специфическая черта данной конкретной синагоги: точно так же обстоит дело и в большинстве других крупных синагог. Но есть и несколько вещей, характерных именно для МХС.

Сообщество ашкеназских стариков, которое описывает Голубофф в своей книге, существенно уменьшилось: многие из них умерли или перестали приходить в синагогу по состоянию здоровья, некоторые эмигрировали.

Кроме того, если в позднесоветское время МХС была символом московского еврейства и центром еврейской неформальной культурной деятельности, включая изучение иврита, то сейчас это не так.

Во-первых, часть этих функций забрали еврейские организации, возникшие в 90-е годы (Сохнут, ИКЦ, ЕКЦ, еврейские школы, различные курсы иврита, лектории и т.д.).

Во-вторых, роль главной религиозной организации страны перешла от «Конгресса еврейских религиозных общин и объединений в России» (КЕРООР), штаб-квартира которого располагается в МХС, к уступил «Федерации еврейских общин России» (ФЕОР), относящейся к течению «Хабад». Если в начале 2000-х гг. ФЕОР и КЕРООР, объединяющий все ортодоксальные общины, не связанные с «Хабадом», соперничали на равных, то к началу 2010-х гг. ФЕОР опередила конкурента во всем [подробнее об этом см.: Зеленина 2015], получая дивиденды от альянса с российскими властями и найдя нескольких крупных спонсоров. Целый ряд региональных общин перешли из подчинения КЕРООР в подчинение ФЕОР. Что крайне важно, ФЕОР создала в России работоспособную инфраструктуру еврейской жизни: кошерные магазины и кафе, еврейские школы и детские сады, еврейское издательство «Книжники», выпускающее как религиозные книги, так и художественную литературу, и т.д. В Москве ФЕОР также открыла большой и технологически хорошо оснащенный Еврейский музей, который стал еще одной важной московской площадкой для музейной и научной жизни и за пределами общины. Кроме музея и издательства «Книжники», в Марьиной Роще – районе на севере Москвы – находятся четыре еврейских школы («Хедер Менахем», школа для девочек «Бнот Менахем»,

школа для мальчиков «Месивта» и школа «Мир Интеллекта»), четыре кошерных магазина с широким ассортиментом и несколько кошерных кафе и ресторанов. МХС не может похвастаться подобными достижениями: в ее здании находятся лишь один мясной ресторан, одна маленькая продуктовая лавка и одна книжная, рядом – мясная лавка и недавно появившееся молочное кафе; КЕРООР также принадлежит одна школа – «Решит Хохма», в которой учатся до 9-го класса включительно и которая периодически оказывается под угрозой закрытия из-за недостатка финансирования, – и два детских сада.

В 2000–2010-х гг. в Москве появилось около 20 новых «миньянов шаговой доступности», которые оттянули изрядную часть прихожан, особенно тех, кому важно соблюдать заповеди субботы и не ездить в этот день. Подавляющее большинство этих миньянов также принадлежат ФЕОР.

В-третьих, из-за недальновидной политики руководства синагоги многие еврейские прихожане предпочли перейти в другие синагоги, и для заполнения молитвенного зала, а также для обеспечения работой многих раввинов и других служителей синагоги руководство придумало компенсаторный путь. МХС стала основным адресом для людей, желающих пройти гиюр. По ряду причин гиюр МХС признается МВД Израиля даже охотнее, чем гиюр «Хабата» и тем более реформистов, и потому сейчас большинство прихожан синагоги составляют геры и соискатели гиюра.

При синагоге действуют курсы по подготовке к гиюру, кроме того, раввины и многие функционеры общины дают соискателям гиюра частные уроки.

Соискатели гиюра и тем более геры должны посещать синагогу по субботам и праздникам, и в этом отношении местоположение МХС (она находится в самом центре Москвы, недалеко от станции метро «Китай-город») оказывается ее недостатком. Если «Хабат» требует от своих соискателей гиюра снять квартиру в Марьиной Роще, то раввины МХС такого потребовать не могут: снимать квартиру в районе метро «Китай-город» соискателям гиюра обычно не по карману. Для этих целей при синагоге действуют два маленьких общежития, которые время от времени меняют владельцев и распорядителей, а иногда закрываются на несколько месяцев. Поэтому функционеры общины, которым община снимает квартиры недалеко

от МХС, а также живущие неподалеку прихожане приглашают на ночлег гостей.

Представления о браке в общине МХС

Гиюр воспринимается как огромная перемена в жизни и сознании человека: соискателя подталкивают к изменению бытового поведения, имени и круга общения. Сами геры (и будущие геры) стремятся к интеграции в общину, в первую очередь в среду, близкую к руководству общины или к тем или иным ее функционерам, а не в среду людей равного положения. С одной стороны, это повышает внутриобщинный статус конкретного гера или соискателя гиюра, но с другой – мешает им (по сути, неполноправным членам общины) кооперироваться и отстаивать свои интересы.

Одним из способов резко изменить свое социальное окружение становится выбор себе брачного партнера из общины. Действительно, некоторые новые члены общины МХС вступают в брак через несколько месяцев или год с небольшим после прохождения гиюра.

Религиозные иудейские общины пропагандируют обязательное вступление в брак, поощряют ранние браки и прокламируют высокую рождаемость. На деле в общине МХС на семью рядовых прихожан приходится один-два ребенка, как в среднем для городского населения России; пять и более детей рождается чаще всего в семьях функционеров общины, обладающих более высоким доходом и проживающих в квартирах, которые арендует для них община.

В МХС существует (и транслируется прихожанам) представление о том, что счастливым и прочным может оказаться лишь религиозный брак, поскольку он построен «на правильных основаниях». Существуют специальные курсы, где учат, «как строить отношения правильно» – по устному замечанию преподавательницы таких курсов. Соответствующая риторика находит своего адресата, поскольку большинство соискателей гиюра – одинокие люди, пережившие неудачу в личной жизни и надеющиеся найти выход из трудной жизненной ситуации. Однако это же обстоятельство и ограничивает распространение «правильных» браков: среди соискателей гиюра и геров наблюдается гендерный дисбаланс, большинство – женщины, и в общине наблюдается отчетливый дефицит мужчин молодого и среднего возраста.

Иногда действительно заключаются браки среди прихожан, познакомившихся именно в общине. Однако не слишком часто: за последние три года это произошло лишь примерно два десятка раз. При этом пять свадеб, проведенных в МХС, – это свадьбы людей, которые вступили в брак минимум несколько лет назад, а затем вместе пришли к иудаизму – и либо стали религиозными, будучи евреями, либо вместе прошли гиюр.

В рамках данной статьи мы рассмотрим один такой случай². В октябре 2019 г. в фейсбуке появился пост представительницы как раз такой пары – супругов, прошедших гиюр.

У членов многих ортодоксальных общин использование интернета, как и в принципе современных технологий, вызывает двойное отношение. С одной стороны, они приветствуют достижения научного прогресса, связывая прогресс с построением мира более гуманного по отношению к евреям. С другой стороны, современные технологии и особенно интернет воспринимаются как соблазн, отвлекающий евреев от изучения Торы [Heilman, Cohen 1989, 155–156]. Многие современные израильские ортодоксы, полностью включенные в экономическую жизнь за пределами общины, считают, что ограничения на использование интернета (полный отказ – в субботу и праздники, частичный отказ – во время нахождения в будни дома) – благо, поскольку они помогают религиозным евреям не сформировать интернет-зависимость и не разучиться читать книги. Парадоксально, но в общине МХС мы ни разу не слышали призывов ограничить доступ к интернету в будни. Община активно пользуется интернетом вообще и фейсбуком в частности.

Один случай в общине МХС

Дама, представившаяся как Ульяна Эмуна Д. (ее имя, как и имена остальных фигурантов, изменены), написала следующее (орфография и пунктуация во всех цитатах сохранены).

² Оговоримся: мы не осуждаем героев статьи и не отзываемся о них насмешливо. На всякий случай мы не будем называть их фамилий. Наша цель лишь проанализировать частный случай как частый и выразительный пример определенного явления.

Если честно, то мы, кажется, слегка аллес. Денег нет совсем. В общем, я решила морально на краудфандинг:)

Дорогие друзья, у нас хупа 8 декабря. Я пока не знаю, в России или в Израиле, но я всех вас заранее приглашаю. Но для того, чтобы мы это могли сделать, беззрат Ашем, в тот день, о котором мечтаем, нам нужна ваша помощь.

Мы не 18-летние сироты, на которых легко собирают деньги фонды. Мы взрослые люди за 30, живущие уже не первый год в формальном государственном браке, заключенном в ЗАГС РФ. Поэтому с точки зрения общественного мнения наша свадьба – формальность. То есть было бы достаточно миньяна и небольшой скромной трапезы. Но! Наша светская свадьба была в 2008 и тогда мы себе во всем отказали <...> Нам было нечего есть и нечем платить за квартиру. Ресторан – наши друзья тупо скинулись. Платье с черкизовского [рынка]. Костюм из «Фамилии». Бедность, бедность, бедность. Я помню как считала купюры в туалете ресторана, их не хватало, это было мерзко:(

Наверное, каждая девочка мечтает о свадьбе. О такой, которая бывает один раз в жизни. Даже если девочке 36 и у нее уже были говносвадьбы в анамнезе. Даже если девочка уже 11.5 лет замужем юридически. Я хочу свою хупу видеть самой красивой и самой удивительной <...>

В общем, если честно, нам не хватает 1700 долларов на то, чтобы сделать свадьбу мечты. Речь не идет о лимузинах и дизайнерских платьях: все по минимуму. Только хупа, скромная трапеза и наши билеты туда и обратно. Реально минимум. Мы прилично зарабатываем, но именно сейчас мы в стадии днища. И это днище не наладится до 8 декабря никак. Можно было бы отложить, но мне 36 и времени у меня на то, чтобы стать матерью – не так много.

<...>

1700 долларов это 110 500 рублей. Огромная сумма для двоих и совершенно реальная, если просто скинуться по 200–300–500 рублей для тех, кто меня читает. Просить всегда тяжело – и я знаю, что есть миллион более нуждающихся чем мы. Но! Вы регулярно пьете кофе в кафе. Кофе с булочкой или без. Если вы найдете возможность просто подарить нам стоимость одного стаканчика кофе и одной булочки, то у нас и правда случится свадьба нашей мечты. Спасибо вам!

[За этим следовали банковские реквизиты.]

Ульяна Эмуна и ее муж (в первых постах она называет его Андреем, затем – Ариэлем) несколько лет проходили гиюр и, наконец, прошли. Теперь они оказались в трудном положении, ведь после

формального принятия на себя ярма Торы супруги не имеют права жить вместе до момента хупы – религиозной свадьбы.

К добрачному сексу ортодоксы разных толков относятся по-разному: если традиционные ортодоксы его не приемлют, то современные ортодоксы еще с начала 80-х гг. высказывают к нему толерантность: многие из них не готовы осудить членов общины, которые вступают в сексуальные отношения, будучи уже помолвленными или по крайней мере будучи постоянной парой [Heilman, Cohen 1989, 175–178]. В этом вопросе община МХС высказывает ультраортодоксальные взгляды. Более того, руководство общины в данном случае создает жениху и невесте дополнительное, искусственное испытание, которого можно было бы избежать. В израильских заведениях типа «ульпан-гиюр» принято символически завершать церемонию гиюра (погружением в микву) и в тот же день проводить церемонию бракосочетания, чтобы не подвергать жениха и невесту искушению нарушить заповедь. В МХС практикуют добрачное воздержание в несколько месяцев, тем самым проверяя жениха и невесту на «моральную стойкость». Это сопряжено и с дополнительными материальными расходами: между гиюром и хупой супруги не имеют права ночевать под одной крышей, то есть в течение нескольких месяцев они вынуждены снимать дополнительное жилье. Неудивительно, что Ульяна Эмуна и ее муж стремятся провести свадебную церемонию как можно скорее.

Ожидая неодобрительной реакции своих подписчиков, Ульяна Эмуна создает отдельный пост – с вызовом и одновременно с большим смущением, – призывая недоумевающих друзей выразить свое неодобрение: «И да, я уверена, что найдется бешеное количество людей, которые предыдущий пост сочтут наглым и вообще лишним. Если что, высказать свое мнение о том, что я оборзела, можно здесь».

Разумеется, фактически эта формулировка была просьбой к друзьям высказать свою поддержку, и в комментариях прозвучало довольно много слов поддержки. В том числе и таких: «Если я вижу такие объявления, то народ Израиля жив!» – написал Давид Л.

Первоначально супруги планировали провести свадьбу в Израиле, и потому они попросили друзей собрать им деньги на билеты туда. Оставшуюся сумму они собирались потратить на свадебные расходы и на предметы, необходимые для еврейского религиозного образа жизни.

В дальнейшем планы провести бракосочетание в Израиле оказались расстроены, церемонию пришлось перенести в Москву и залезть в дополнительные расходы: кроме уже собранной суммы, дама попросила своих друзей пожертвовать еще «тысяч 150–230:»), поскольку церемония и трапеза в МХС оказались существенно дороже, чем в Израиле.

Немало комментариев, в том числе к перепостам этой записи, содержали рассуждения на тему заповеди «Ғахнаһат кала»: друзья Ульяны Эмуны и Андрея Ариэля призывали своих друзей и знакомых пожертвовать денег на эту свадьбу, чтобы выполнить заповедь. Эти рассуждения представляют собой свидетельство интересной трансформации, которая произошла с толкованием этой заповеди.

Впервые она зафиксирована в Барайте и представляет собой предписание торжественно провожать невесту из дома родителей в дом жениха. Позднее, в Ашкеназе XII–XIII вв., действие заповеди стало распространяться на более долгий временной промежуток, от выхода из дома родителей до произнесения свадебных благословений; позже в заповедь была включена и обязанность увеселения жениха, проводов его к хупе; споры касались исключительно того, можно ли ради исполнения этой заповеди отвлечься от изучения Торы. Иными словами, это было предписание инвестировать свое время, чтобы развлекать невесту или невесту и жениха. А позже, в XVII–XVIII вв. в Ашкеназе, эта заповедь переосмыслилась и трансформировалась в требование поддерживать бедных невест материально и выдавать замуж бедных невест: община или богатейшие ее представители собирали бедным девушкам на приданое и на свадьбу. В традиционной ситуации исполнение этой заповеди было довольно значимым социальным механизмом: бесприданницы получали шанс выйти замуж и родить детей в браке, эти дети в дальнейшем будут полноправными членами общины. Бедные девушки тем самым удерживались от социальной маргинализации: получение возможности вступить в полноценный брак снижало риск, что они станут проститутками, бродягами или перейдут в господствующую религию [Glik 2001, 112–123]³.

³ Благодарим д-ра Александра Гордина (Национальная библиотека Израиля) за доступ к тексту этой статьи.

Толкование данной заповеди содержит два компонента: это инвестиция собственного времени и инвестиция денег. Собственно, это два принципа, на которых основываются механизмы общинной кооперации: члены общины, ситуативно располагающие временем или деньгами, готовы потратить их на помощь другому члену общины, который испытывает в этом бóльшую необходимость. Речь может идти как о денежной нужде, так и о необходимости потратить время, чтобы собраться для прочтения той или иной молитвы ради одного из членов общины. Как отмечает С. Хайльман в работе «Синагогальная жизнь: исследование символики интеракции», «забота членов общины друг о друге, вероятно, наиболее явно выражается в том, что они готовы собираться, даже если это идет вразрез с их собственными планами и интересами. Никто не удивится, если его вдруг попросят срочно прийти в синагогу для молитвы в миньяне, для участия в уроке или каком-нибудь собрании, даже если для этого просьба застанет его в постели, за обеденным столом или на работе <...> Собрание – это не только проявление групповой жизни и не только возможность получить или предоставить другим преимущества, которые дает наличие социальных связей. Это часть ответственности, которую накладывает религиозность, часть того, что называется “быть религиозным”. Быть религиозным означает собираться вместе с другими религиозными евреями, состоять с ними в одной общине» [Heilman 1976, 258–260; перевод авторов].

Механизм сбора денег с целью выдать замуж бесприданницу сейчас сохранился исключительно в ультраортодоксальных общинах. За их пределами вопрос приданого утратил былую значимость, и само по себе отсутствие капитала явно не лишает женщину шанса выйти замуж, тем более если женщина и мужчина живут вместе уже более десяти лет. В рассмотренном нами случае призыв помочь деньгами оказался довольно успешным: за первый же день было собрано около 600 долларов, в дальнейшем – еще некоторое количество, но не вся сумма: недостающие деньги пришлось брать в кредит у банка.

Мы хотим проанализировать этот случай, во-первых, как трансформацию практики «*ѓахнаса́т кала*», а во-вторых, как пример, который позволяет сделать довольно важные выводы о современной еврейской общине в Москве.

Наши тезисы.

1. Перед нами конструирование новой традиции. Заповедь «ахнасанат кала» более не понимается как предписание поддержать невесту, которая иначе не найдет себе мужа. Этот термин употребляется и применительно к поощрению людей, которые решают соблюдать традицию, в их капризе. Традиция преподносится как древняя, но, как это часто бывает, является синтезом древней и конструируемой на наших глазах⁴.

Примечательно, что организация свадьбы оказывается крайне новаторской: традиционно гости свадьбы дарят молодоженам деньги и своими подарками покрывают стоимость свадебной трапезы. В данном же случае с гостей не собирают денег, все затраты должны покрыть жертвователи, которые на свадьбу не приглашены.

2. Рассматриваемый эпизод помогает вскрыть принципы социальной и экономической организации общины. В современной России практика краудфандинга – это основная форма декларации своей принадлежности к той или иной группе, прежде всего виртуальной общности, члены которой разделяют определенные ценности. Например, основная форма выражения оппозиции правящей власти в России – это пожертвование на правозащитные НКО. В случае религиозных общин такие сборы помогают, собственно, формировать общину, когда членство в религиозных организациях добровольно.

⁴ Уже когда статья была сдана в редакцию, мы обнаружили аналогичные случаи и за пределами общины МХС. Израильский фонд помощи русскоязычным евреям «Йад Ицхак» в 2020 г. несколько раз объявлял сбор денег на организацию свадебных торжеств. Во всех случаях молодожены познакомились сами, и деньги жертвователей требовались только для того, чтобы церемония была богаче и многолюднее. Фонд мотивирует призыв жертвовать следующим образом: «Одной монетой вы выполняете 3 заповеди: “ахнасанат кала”, поддержка талмид хахама, поддержка общины» (см. пост от 28 июля – <https://www.facebook.com/yadyitzchok.org/posts/3288422387868200>; аналогичные посты см. от 13 июня 2020 г. – <https://www.facebook.com/yadyitzchok.org/posts/3173137192730054> и от 29 июня 2020 г. – <https://www.facebook.com/yadyitzchok.org/posts/3214805865229853>). В одном случае к исполнению этой заповеди призывают публику сами будущие молодожены: «Мы обращаемся к вам за помощью в создании нашей семьи, и просим вас не быть равнодушными. Заповедь “ахнасанат кала”, помочь выдать замуж невесту, очень важна, и “тот кто участвует в ее исполнении, на него спускается милость Творца”» (пост от 6 июля 2020 – <https://www.facebook.com/yadyitzchok.org/posts/3237180826325690>).

Получив на свои записи множество недоуменных откликов, Ульяна Эмуна оправдывается. В одной реплике она пытается рационализировать свое стремление потратить на свадьбу большую сумму:

Очень важно то, что иудаизм это не религия личности, а общественная религия, некоторые вещи можно в принципе делать только в миньяне, это очень упрощенное понимание, но как-то так. <...> Есть некие базовые галочки в любой религиозной церемонии, у христиан это венчание, у мусульман это никах, у евреев это хупа и потом застолье.

В другой реплике Ульяна Эмуна объясняет, что они с мужем являются платежеспособными и полезными членами общины:

Расклад по хупе, для интересующихся. 3500 порция, ищу пути срезать. <...> Платье я купила за две тысячи рублей. Костюм Ариэль берет из гмаха [склада, где можно взять одежду напрокат]. Ведущий на почти добровольных началах. Оборудование по звуку привозит Ариэльев друг детства. Саму хупу ставит рав общины, бесплатно. Обучение у нас по личным договоренностям, в долг. Парик в рассрочку, самый дешевый.

<...>

Я работаю в русской небольшой компании за зарплату. Работаю много. Никуда не увольнялась 12 лет, Ариэль работает в сателлите билайна, за тоже зп ниже рынка, но с правом на Шабаты. И тоже никуда не увольнялся.

<...> На все предоставленные факты и цифры у меня есть документы и бумаги. Если кому интересно, покажу. Да, мы не умираем с голода и, да, мы платим за квартиру 60к рублей, чтобы жить возле общины. Мы регулярно принимаем девочек и семьи на Шабат (в тч для этого и снимали), исправно отделяем маасер от доходов (не вычитая расходов), даем цдаку сверх маасера и вообще помогаем тем, кому у нас хватает ресурса помогать.

Это высказывание выглядит как смешение двух взаимоисключающих повесток: стремления доказать свою платежеспособность (характерного для коммуникации с банком) и стремления вызвать жалость (подходящего для общения с друзьями и малознакомыми людьми, если нужно попросить у них денег, не обещая возврата).

Примечательно, что эта реплика достигает внимания раввинов общины, они включаются в дискуссию, и в процессе выясняется, что

именно они подали Ульяне Эмуне и Андрею Ариэлю идею объявить краудфандинг.

Раввины выступают за людей, которые доказывают, что они – ценные и полезные члены общины. Этот факт, а также особенности проведения свадьбы позволяют сделать определенные выводы о структуре общины.

В традиционной ситуации членство в еврейской общине не было добровольным, община была организована иерархически. Кроме полового, образовательного и имущественного ценза, существовал и ценз, связанный с семейным положением: полноправным членом общины мог стать только женатый человек.

В современной ситуации роль свадьбы как обряда перехода сохраняется. Однако в данном случае одного факта совершения свадебной церемонии недостаточно: статус полноправного члена общины получает человек, который отпраздновал богатую свадьбу, причем или в Израиле, или – если в Москве – обязательно в общине. Отдельные корреспонденты предлагали Ульяне Эмуне и Андрею Ариэлю организовать свадьбу в других московских синагогах, где это было бы дешевле, но молодожены отказались. Парадоксальным образом добровольность членства воскрешает практику обязательного реципрокного обмена.

Интересно также, что разового вступления в общину недостаточно: тем, кто не является раввином или другим функционером общины, приходится постоянно подтверждать свое право называться членом общины. Видимо, в этом тоже заключается оборотная сторона добровольности членства.

Экономический анализ практики «ѓахнаса́т кала» в МХС

С точки зрения экономиста, практики «ѓахнаса́т кала», как и прочие примеры еврейской общинной организации, удобно описывать при помощи так называемой теории клубов. Эта теория объясняет механизмы и причины создания клубов и методы их функционирования, в том числе распределение так называемых клубных благ.

В экономической теории существует два «чистых» типа благ: частные и общественные. Они различаются по конкурентности в потреблении и по исключаемости из пользования ими. Частное бла-

го конкурентно: воспользоваться им может лишь тот, кому оно принадлежит, потому за обладание им необходимо бороться. Кроме того, можно сделать так, чтобы тот, кому благо не принадлежит, не мог им воспользоваться – исключить из потребления. Классическим примером частного блага являются еда или одежда. Чтобы воспользоваться этими благами, необходимо их каким-то образом получить; из всех индивидов пользоваться благом разрешено только тому, кто за него заплатит. Использование данного блага другими индивидами становится незаконным и преследуется – так работает механизм исключения из пользования благом. С другой стороны, если благом пользуется один индивид, остальные уже не могут, например, съесть ту же еду или надеть те же брюки: в этом случае работает свойство конкурентности за пользование данным благом.

Общественные блага, напротив, неконкурентны и неисключаемы. Пример таких благ – это освещение улиц. Им могут в равной мере воспользоваться все, кто идет под фонарями, и качество полученной услуги не зависит от количества тех, кто ей пользуется в данный момент; конкуренция полностью отсутствует. Помимо этого, довольно трудно сделать так, чтобы освещение улицы работало не для всех находящихся на ней – нет или почти нет способов, позволяющих исключить индивида из потребления, даже если он не платит за использование блага.

В этой классификации клубные блага находятся между чисто частными и чисто общественными благами. С одной стороны, ими может воспользоваться более, чем один индивид, и при этом другие не будут ущемлены в потреблении. Однако это правило работает до некоторого предела по количеству пользователей, после которого полноценное использование блага станет невозможным, поэтому за благо нужно в некоторой степени конкурировать. Следовательно, возникает необходимость ограничить число индивидов-пользователей блага, а значит, придумать механизм исключения из числа пользователей. Классическим примером клубного блага является плавательный бассейн [Buchanan 1965, 3]. В нем легко могут находиться несколько человек, не мешая друг другу, но есть лимит, после которого пользоваться бассейном будет некомфортно. Поэтому фитнес-центры пускают плавать лишь тех, кто приобрел абонемент, а всех остальных исключают из потребления. Отсюда вытекает еще

одно свойство клубного блага: чтобы стать его обладателем, необходимо вступить в клуб. Чаще всего это требует некоего вложения со стороны соискателя – либо материального, либо нематериального.

Еврейская община – типичный поставщик клубных благ, только блага эти чаще всего не материальные, а духовные. Чтобы стать потребителем этих благ, нужно пройти определенный ритуал инициации, но, кроме того, необходимо постоянно поддерживать статус члена общины, помогая ей как материально, так и нематериально, иначе есть вероятность быть исключенным из нее. Очень легко отстранить тех, кто не принадлежит к данной общине, от пользования общинными благами. При этом членство в данном клубе влечет за собой определенные выгоды: участники платят за потребление блага меньше, чем если бы потребляли это благо в одиночку. Непросто содержать свою личную синагогу, но если в еврейской общине много людей, расходы становятся вполне посильными; билет на общинную субботнюю трапезу гораздо дешевле, чем расходы на приготовление одной порции дома.

Причины вступления в клуб могут быть весьма разнообразными. Основной мотив – это, конечно, снижение расходов на потребление блага (см. выше пример с личной синагогой). Чем больше индивидов состоит в клубе, тем меньше каждому из них нужно платить за обслуживание клубного блага, при условии что количество пользователей не сказывается на качестве блага. Однако важен и психологический момент принадлежности к определенной социальной группе – группе спортсменов (в случае с держателями абонемента в бассейн) или группе религиозных иудеев (в случае с еврейской общиной). Если человек решил воспользоваться специфическим благом, выбрав именно его из многих альтернатив, в том числе альтернативы не выбирать ничего, на то были веские причины.

Клубы могут полноценно существовать и бесперебойно поставлять благо при соблюдении двух ключевых условий.

- Регулярные членские взносы. В качестве взноса могут выступать как материальные блага, так и нематериальные, например соблюдение ритуалов, принятых в данной общине (и, как считается, способствующих ее укреплению) или некоторая деятельность, направленная на благо общего дела.

- Наличие механизма исключения из числа пользователей благом. Те, кто не прошел авторизацию как член клуба, не должны иметь доступ к благу, производимому в рамках деятельности клуба, по крайней мере в том объеме, в котором его получают авторизованные члены.

Весьма желательным, но необязательным условием для существования клуба является доверие членов друг к другу, взаимовыручка и круговая порука. Традиционная еврейская община характеризуется следующими дополнительными признаками, не всегда наблюдаемыми у прочих клубов.

- Локальность. Все члены общины живут в одном местечке и зачастую лично знакомы друг с другом.
- Круговая порука и доверие. В общине невыгодно обманывать соседей: в случае раскрытия обмана санкции могут быть весьма серьезными. Потому у членов общины достаточно оснований друг другу доверять.
- Непременная принадлежность индивида к той или иной общине, в нашем случае еврейской. Членство в общине было в традиционном обществе не столько свободным выбором каждого, сколько необходимостью, иначе возникал риск стать изгоем. Индивид в большинстве случаев принадлежал к той или иной общине с рождения независимо от своего желания или нежелания и оставался в ней до конца. Исключения встречались редко.
- Слабая доступность для евреев услуг, предоставляемых государством, и как следствие острая необходимость во взаимовыручке.

В традиционной еврейской общине ее члены пользовались довольно обширным спектром услуг, который она предоставляла, помимо религиозных, – от страховых до банковских. В условиях ограничений, накладываемых на еврейские общины внешней средой, общинная поддержка была средством выживания для многих, и подобная взаимная поддержка всячески поощрялась с точки зрения религиозного закона. Этой взаимной поддержки можно лишиться,

будучи исключенным из общины по тем или иным причинам или просто будучи неуидеем. С этой точки зрения религиозные обряды и ограничения, накладываемые на деятельность вне общины, – это своего рода плата за членство. Эти неудобства компенсируются материальной поддержкой, которую оказывает община тем, кто в ней состоит [Berman 1998, 10–11].

Секуляризация, распад национальных и общинных институтов привели к тому, что функция общины как материального гаранта практически сошла на нет. Ресурсозатратная деятельность на благо общины стала гораздо менее привлекательной, чем была раньше. В результате большинство евреев ассимилировались или перешли на менее строгие правила соблюдения религиозных законов. Возросла доступность для евреев нееврейских клубов, поставляющих те же самые материальные блага – и в условиях конкурентного выбора упал спрос на услуги общины как, скажем, банка или страхователя [Sandler, Tschirhart 1997, 337].

Современная община МХС по многим признакам отличается от традиционной. Она квазилокальна: те, кто состоит в ней, не объединены по территориальному признаку, не живут рядом и вряд ли были знакомы друг с другом до вступления в общину. Однако в сети Интернет сложилось живое сообщество почти незнакомых или малознакомых людей, принадлежащих к общине. Отсутствует и минимизация расходов на получение определенного рода услуг: община и ее руководство выступают не как доноры средств для своих членов, а как реципиенты пожертвований. Сейчас, в отличие от ситуации в традиционной общине, члены общины МХС не получают никаких материальных выгод в ней, а напротив, даже несут дополнительные издержки, связанные с логистикой. Тем не менее члены общины все равно предпочитают оставаться в ней и всячески стремятся оживить общинную жизнь путем возрождения традиционных практик, даже если оно сопровождается их полным переосмыслением.

Описанный выше феномен ревитализации обычая «ѓахнаса́т кала» интересен тем, что данный обычай апеллирует к общине именно в качестве материальной опоры без очевидной на то необходимости. У Ульяны Эмуны и Андрея Ариэля была возможность провести церемонию, потратив гораздо меньше денег, однако они ею не воспользовались – следовательно, мотивация минимизировать издерж-

ки путем вступления в клуб в данном случае не играет решающей роли.

Налицо явное смещение акцентов. Стремясь стать членом клуба еврейской общины МХС, потенциальный прихожанин хочет преумножить не материальный, а социальный капитал, неся при этом значительные расходы. Механизм кооперации имеет скорее символическое значение, чем прямое (помочь бедной невесте собрать денег на свадьбу). Участие в этом сборе дает ощущение принадлежности к еврейскому миру в целом и к конкретной общине в частности, а также служит для подтверждения статуса еврея-прихожанина МХС, готового приносить пользу еврейской общине.

Заключение

Таким образом, данный пример позволяет диагностировать четыре интересных свойства современной практики иудаизма и современной московской иудейской общины.

1. Современная община МХС квазилокальна, членство в ней добровольно, при этом добровольность сопряжена с готовностью понести существенные материальные затраты: для полноценного присоединения к общине нужно совершить большой взнос в виде организации дорогой свадебной церемонии.

2. Практика «гахнашат кала» переосмысливается и включает теперь не инвестицию времени для увеселения невесты и даже не инвестицию денег в устройство судьбы и предотвращение социальной маргинализации девушек-бесприданниц, а помощь молодоженам в совершении этого взноса, то есть во вступлении в общину.

3. Членство в общине не устанавливается раз и навсегда. Ради признания своего статуса рядовые члены общины вынуждены вновь и вновь доказывать свою ценность и пользу, совершая новые и новые взносы.

4. Таким образом, в общине с добровольным членством радикально меняется механизм кооперации. Там не существует общей кассы, в которую можно обратиться за денежной помощью в случае необходимости. Община оказывается не донором для нуждающихся участников, а только акцептором. Роль донора выполняет куда менее структурированная и принципиально экстерриториальная общность

единомышленников, существующая исключительно виртуально. Блага, которые член общины может получить от общины, сокращаются до строго нематериальных.

Литература и источники

- Зеленина 2015 – *Зеленина Г.С.* Портрет на стене и шпроты на хлебе: московские евреи между двумя «сектами» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 121–169.
- Berman 1998 – *Berman E.* Sect, Subsidy and Sacrifice: an Economist's View of Ultra-Orthodox Jews // NBER Working Paper. 1998. August. P. 1–47.
- Buchanan 1965 – *Buchanan J.M.* An Economic Theory of Clubs // *Economica*. New Series. Vol. 32. No. 125 (Feb., 1965). P. 1–14.
- Glik 2001 – *Glik S.* Le-gilgula shel mitsvat hakhnasat kala (О трансформации заповеди «гахнашат кала» [иврит]) // *Sinay*. 2001. P. 112–123.
- Goluboff 2003 – *Goluboff S.L.* Jewish Russians: Upheavals in a Moscow Synagogue. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 2003. 224 p.
- Heilman 1976 – *Heilman S.C.* Synagogue Life: A Study in Symbolic Interaction. University of Chicago Press, 1976. 314 p.
- Heilman, Cohen 1989 – *Heilman S.C., Cohen S.M.* Cosmopolitans & Parochials. Modern Orthodox Jews in America. The University of Chicago Press. Chicago; London, 1989. 258 p.
- Polyan 2017 – *Polyan A.* Why Does this Moscow Shul Attract So Many Converts // Forward. 31.08.2017. <https://forward.com/culture/jewishness/381564/why-does-this-moscow-shul-attract-so-many-converts/>.
- Sandler, Tschirhart 1997 – *Sandler T., Tschirhart J.* Club Theory: Thirty Years Later // *Public Choice*. Vol. 93. No. 3/4 (1997). P. 335–355.

Economic Transformation of “Hakhnasat Kala” Custom: a Case of Moscow Choral Synagogue Community

Alexandra Polyan

Moscow State University, Moscow, Russia
Universität Regensburg, Regensburg, Germany
PhD in Philology, Assistant Professor,
ORCID ID: 0000-0002-0150-6877
Institute of Asian and African Studies, Moscow State University
11-1 Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russia
Tel.: +7(495)629-43-49, Fax: +7(495)629-74-91
E-mail: office@iaas.msu.ru

Universität Regensburg, Institut für Slavistik:
Sedanstraße 1
D-93053 Regensburg
Tel.: +49(941)943-16-65

Ekaterina Karaseva

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

MA in Economics, PhD Student at EUSP

ORCID: 0000-0002-3286-0959

Independent not-for-profit educational organization
of higher education "European University at St. Petersburg"
6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg, 191187, Russia
Tel.: +7(812)386-76-37

Abstract: This paper deals with the question of transformations experienced by a custom named "hakhnasat kala" in modern Russian Jewish community. The commandment to fulfill "hakhnasat kala" was first mentioned in Talmudic literature as a precept to glorify the groom and the bride, but later, in 17th–18th centuries in Ashkenaz, it obtained a new interpretation: the community should provide a poor bride with dowry, so that she could get married – and thus needy girls were prevented from becoming socially marginalized or baptized. In modern Russian Jewish community (and, as it turned out later, among Russian-speaking ultra-orthodox Jews in Israel) the term "hakhnasat kala" is applied to a completely new practice – crowdfunding for wedding ceremony of a couple who have already chosen each other as partners or have been living in a civil marriage and who have returned or converted to Judaism. Unlike the traditional situation, in which the wedding costs were covered by donations of guests, in this case Internet users who feel empathic for the couple become sponsors of the wedding, and its beneficiaries are high-ranked community members. Thus, organizing an expensive wedding ceremony becomes for the couple a kind of confirmation of their status within the community. One such case which took place in Moscow choral synagogue community in 2019 is analyzed in detail. Conclusions about the structure and hierarchy in the community, its economics, and the role of crowdfunding in modern Russian Orthodox Judaism are made.

Keywords: *Moscow Jewish community, economics of Jewish life, crowdfunding, wedding, "hakhnasat kala"*

References:

- Berman, E., 1998, Sect, Subsidy and Sacrifice: an Economist's View of Ultra-Orthodox Jews. *NBER Working Paper*, 1–47.
- Buchanan, J.M., 1965, An Economic Theory of Clubs. *Economica, New Series*, vol. 32, 125, 1–14.
- Glik, S., 2001, Le-gilgula shel mitsvat hakhnasat kala [On transformation of commandment of “hakhnasat kala”]. *Sinay*, 112–123.
- Goluboff, S.L., 2003, *Jewish Russians: Upheavals in a Moscow Synagogue*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 224.
- Heilman, S.C., 1976, *Synagogue Life: A Study in Symbolic Interaction*. University of Chicago Press, 314.
- Heilman, S.C., and S.M. Cohen, 1989, *Cosmopolitans & Parochials. Modern Orthodox Jews in America*. The University of Chicago Press. Chicago-London, 258.
- Polyan, A., 2017, Why Does this Moscow Shul Attract So Many Converts. *Forward*, 31.08.2017. <https://forward.com/culture/jewishness/381564/why-does-this-moscow-shul-attract-so-many-converts/>
- Sandler, T., and J. Tschirhart, 1997, Club Theory: Thirty Years Later. *Public Choice*, Vol. 93, 3/4, 335–355.
- Zelenina, G.S., 2015, Portret na stene i shproty na khlebe: moskovskie evrei mezhdumia “sektami” [Portrait on a wall and sprats on bread: Moscow Jews between two “sects”]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 3 (33), 121–169.